

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Иванченко Мария Антоновна

**ЭВОЛЮЦИЯ ГУМАНИЗМА И ФОРМИРОВАНИЕ
ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ**

5.7.7. Социальная и политическая философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Екатеринбург – 2023

Работа выполнена на кафедре социальной философии ФГАОУ ВО «Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Керимов Тапдыг Афиз оглы

Официальные оппоненты:

Катерный Илья Владимирович, доктор социологических наук, ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», профессор кафедры социологии;

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», профессор кафедры теоретической и социальной философии;

Давыдов Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, ФГБУН Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, старший научный сотрудник отдела философии.

Защита состоится «12» октября 2023 г. в 13-00 часов на заседании диссертационного совета УрФУ 5.7.06.14, по адресу 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=4964>

Автореферат разослан « _____ » _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

Шуталева Анна Владимировна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертации осуществлен социально-философский анализ проблемы эволюции гуманизма и формирования постчеловеческой социальности. Выявляются социально-исторические предпосылки и теоретические мотивы эволюции гуманизма и формирования постгуманизма как новой социальной формы. Эта программа конкретизируется в определении дискурса постгуманизма, его отличия от гуманизма и трансгуманизма, основных его направлений, его связи с политизацией нечеловеческих форм жизни.

Актуальность темы данного диссертационного исследования обусловлена следующими обстоятельствами:

Во-первых, эволюция гуманизма и непосредственно связанная с ней утрата человеком своей привилегированной космологической, биологической, социальной, психологической позиции как в отношении к самому себе, так и в отношении с нечеловеческими формами существования, привела к децентрации и релятивизации социального мира, проблематизации способов его производства и воспроизводства, его субъектности, которые выражаются в необходимости переосмысления и поиска оснований для обновлённого постгуманистического дискурса.

Во-вторых, происходит постепенное смещение фокуса внимания социальных наук и широкой общественности с классического гуманизма на трансгуманизм. Ещё в XX веке началась популяризация трансгуманизма. Трансгуманизм является прямым предшественником постгуманизма. Деконструкция трансгуманизма невозможна без исследования идеала трансгуманизма – постчеловека, который, согласно мысли трансгуманистов, унаследует Землю за человеком. Постчеловеческое в этом аспекте требует философского осмысления, чтобы установить корреляцию и взаимосвязь между гуманизмом, трансгуманизмом и постгуманизмом.

В-третьих, складывающиеся в последние десятилетия новые формы социальности оспаривают базовое предположение обществознания, согласно которому границы социального совпадают с границами человеческих отношений. Разумеется, вещи, техника, нечеловеческие формы существования всегда были частью социальных практик, но взаимодействие между людьми составляло генеративное ядро всех социальных явлений. В условиях постчеловеческой социальности нечеловеческое не ограничивается инструментальностью или регулятивностью, а становится важнейшим компонентом и необходимой формой производства и воспроизводства социальности. Конститутивная роль нечеловеческих и постчеловеческих форм существования в воспроизводстве социальности требует социально-философского анализа с целью их осмысления, установления их статуса, а также места в системе философии и общественной практики.

В-четвертых, возрастание значимости нечеловеческих форм существования и их гибридов в воспроизводстве социальности изменяет условия «новой нормальности», в которых требуется задача переосмысления статуса природы, машин и техники, создания и освоения сложных и сверхсложных систем, прояснения этических принципов постчеловечности, создания неантропоцентрических теорий политического действия, субъективности и сообщества. Решение этой задачи предполагает существенные сдвиги в логике и методологии социально-философского анализа.

В связи с перечисленными обстоятельствами возникает необходимость в социально-философском обосновании концепции постгуманизма как новой формы социальности, выявления наиболее значимых тенденций в развитии этой формы в контексте проблем, обозначившихся на рубеже XX и XXI столетий.

Степень разработанности темы. Тема эволюции гуманизма и его трансформации в постгуманизм связана с комплексом проблем, которые можно разделить на четыре группы и рассматривать степень разработанности в каждой из них.

Первая группа источников сосредоточена на анализе социально-практической и теоретико-методологической обусловленности обновления гуманизма, поворота от гуманизма к трансгуманизму и постгуманизму. Это работы Д.А. Давыдова, Н.Н. Зарубиной, С.В. Тихоновой, Е.Л. Яковлевой, А.И. Криман, А.В. Павлова, И.Ю. Александрова, Т.Х. Керимова, Р. Декарта, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Ж. Деррида, Ж. Делёза, М. Фуко, К. Мейясу, Г. Хармана и Д. Тригга.

Ко второй группе мы относим источники, которые позволили нам сформировать представление о постгуманизме, его теоретико-методологических и социально-философских основаниях. Это, прежде всего, работы А.Ф. Поломошнова, В.И. Миллера, Е.Г. Грибовод, Д. Родена, Р. Брайдогги, С. Хербрехтера, А. Бадью, Б. Латура, И. Валлерстайна, Ф. Ларюэля, К. Мейясу, Л. Брайанта, М. Феррариса, Г. Хармана, Р. Негарестани, Д. Тригга.

К третьей группе мы можем отнести исследования С. Хербрехтера, Р. Брайдогги и др., имеющие большое значение при систематизации и описании основных направлений постгуманизма: спекулятивного (К. Колебрук, К. Мейясу, Г. Харман, Д. Тригг), натуралистического (Д. Ледиман, Д. Росс, Д. Чалмерс, Д. Деннет), критического (И.В. Катерный, А.И. Криман, М.С. Неаполитанский, В.И. Миллер, Н. Бадмингтон, К. Хейлс, И. Грэм) и технологического (С.С. Мерзляков, И. Дж. Гуд, Х. Моравек, В. Виндж).

Четвертая группа источников – это исследования, в которых формируется представление о политизации нечеловеческих форм

существования К. Малабу, Б. Массуми, М. Лаццарато, а также Б. Эвансом и Д. Ридом.

Кроме того, в данной диссертационной работе мы основывались на исследованиях уральской школы социальной философии. Осмысление пределов гуманизма и перспектив социальности производится в одноимённой монографии кафедры социальной философии Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина «Пределы гуманизма и перспективы социальности», написанной коллективом авторов – С. А. Азаренко, В.Е. Кемеровым, Т.Х. Керимовым, И.В. Красавиным, С.А. Никитиным и Д.А. Томильцевой¹. Здесь рассматриваются проблемы Я и Другого, противостояние гуманизма и антигуманизма, образ человека и рациональность его действий, что также создаёт основания для настоящего исследования. Дальнейшие изыскания в области гуманизма, антигуманизма и постгуманизма были произведены в другой монографии коллектива кафедры социальной философии УрФУ – «Новый гуманизм – горизонты «пост» (С.А. Азаренко, А.С. Железнов, М.А. Иванченко, Т.Х. Керимов, Д. А. Томильцева)².

Анализ соционаучной и социально-философской литературы показывает, что проблема обновления гуманизма и его трансформации в постгуманизм не обойдена вниманием отечественных и зарубежных исследователей. Вместе с тем, открытым остаётся вопрос о социально-философском обосновании постгуманизма как новой формы социальности.

Объект и предмет исследования. Объектом данного диссертационного исследования является гуманизм и его исторические формы. Предмет исследования – постгуманизм как новая социальная форма.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является построение социально-философской концепции эволюции гуманизма и формирования постчеловеческой социальности.

В соответствии с поставленной целью и для её достижения были определены следующие задачи:

1. проанализировать основные этапы обновления гуманизма в современной философии XX и начала XXI вв.;
2. выявить социально-исторические предпосылки и теоретические мотивы формирования постгуманизма;
3. определить содержание и трансформационный потенциал постгуманистического дискурса, его отличие от гуманизма, антигуманизма, трансгуманизма;
4. раскрыть основные направления постгуманизма в аспекте становления постчеловеческих форм социальности;

¹ Пределы гуманизма и перспективы социальности: монография / В.Е. Кемеров и [др]. М.: Академический проект; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018.

² Новый гуманизм – горизонты «пост»: монография / А. С. Азаренко и [др]. М.: Академический проект; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020.

5. исследовать влияние постгуманизма на политизацию нечеловеческих форм жизни.

Методология и методы диссертационного исследования. В ходе исследования используются деконструктивный, генеалогический и гетерологический методы.

В исследовании осуществляется деконструкция базовых понятий гуманизма и таких дихотомий, как трансцендентное/имманентное, сознание/мир, мышление/Бог, человеческое/нечеловеческое, органическое/неорганическое, с целью их анализа и переосмысления в рамках становления постгуманизма как новой формы социальности.

В диссертации используется генеалогический подход, позволяющий показать исторические предпосылки и теоретические мотивы эволюции гуманизма и формирования постчеловеческой социальности.

Гетерологический подход задает логику и методологию исследования, в котором постгуманизм предстает как плюрализация и дифференциация гуманизма, сосуществование человеческих, нечеловеческих и постчеловеческих форм социальности.

Основные положения, выносимые на защиту

1. В диссертации осуществлен социально-философский анализ трёх этапов эволюции и развития гуманизма в философии XX – начала XXI в., главным теоретическим мотивом которых является критика нововременной концепции человека как субъекта, субъект-объектной дихотомии. Первый этап обновления гуманизма представляет собой сопоставление интерпретаций, выполненных в рамках экзистенциального гуманизма и неметафизического антигуманизма, и выявление присущих им спорных моментов. Этот этап характеризуется пониманием гуманизма и его преодолением в качестве одного из проявлений онтологического проекта метафизики, где человек считается сверхсущим, и полагается единственным основанием сущего и его причиной.
2. Второй этап обновления гуманизма связан со структурализмом и постструктурализмом. Парадигматическим измерением данного этапа выступает неразрывная взаимосвязь «смерти Бога» и «конца человека», а также трактовка субъекта как функции интерпретации, а не как привилегированной эпистемологической или метафизической позиции. В соответствии с этим измерением, обновление гуманизма в экзистенциальном гуманизме и неметафизическом антигуманизме осуществлялось на упрощенных основаниях, предзаданных метафизическим гуманизмом. В данном противопоставлении гуманизм все еще сохраняется в качестве привилегированного дискурса доступа к бытию.
3. Философия на рубеже XX – XXI в. ознаменовалась новым поворотом в обновлении гуманистической парадигмы, который связан с

деконструкцией оснований непосредственно способа рефлексии о человеческом. В диссертации рассматриваются социально-исторические предпосылки и теоретические основания постгуманизма. В качестве социально-исторических предпосылок приводятся Четвёртая промышленная революция, Шестое вымирание, новая социальность. Теоретическими основаниями постгуманизма выступают постантропоцентризм и онтологический поворот в социальных науках.

4. В диссертации обосновывается идея о том, что постгуманизм – это не преодоление гуманизма, моделирование утопического или идеализированного постчеловечества. Постгуманизм – это деконструкция гуманизма, его дифференциация и плюрализация, предполагающая сосуществование человеческих, нечеловеческих и постчеловеческих форм социальности. «Пост-» в свете этой плюрализации социальности интерпретируется не в качестве «анти-» гуманизма или его более совершенной модели, а представляет собой «с-», которое предполагает утверждение человеческого субъекта в непрерывной метаморфозе, модулируемой отношениями, поддерживаемыми с инаковостью нечеловеческих форм существования.
5. В диссертации выделены четыре основных направления постгуманизма в аспекте сосуществования человеческих и нечеловеческих форм социальности. Критический постгуманизм обращается к деконструкции гуманизма и его иного, актуализирует его репрессированные возможности. Спекулятивный постгуманизм выявляет множественные линии сосуществования человеческого и постчеловеческого. Технологический постгуманизм регистрирует практики сосуществования человеческого и технологии, а натуралистический постгуманизм – человеческого и природы.
6. Выявлены три характерные черты постгуманизма в политической теории: различие политики и политического; введение жизни/zoē в сферу политического анализа; определение аффективной и реляционной природы субъективности. Постгуманизм оспаривает антропоцентрическое предположение о том, что сферой политического действия, субъективности и сообщества является индивидуализированная и коллективная человеческая деятельность. И, как следствие происходит политизация нечеловеческих форм существования, означающая расширение фокуса внимания с человеческой деятельности на животных, растения, неодушевленные предметы и машины, наделенных трансформативными возможностями, трактовку биологических и механических систем с точки зрения политической деятельности.

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования заключается в разработке социально-философской концепции эволюции гуманизма и формирования постчеловеческой социальности. Основными составляющими данной концепции являются:

1. Выявление основных этапов обновления гуманизма в современной философии.
2. Обоснование социально-исторических предпосылок и теоретических мотивов формирования дискурса постгуманизма.
3. Определение содержания постгуманистического дискурса, его отличия от гуманизма, антигуманизма, трансгуманизма.
4. Выявление основных направлений постгуманизма: критический, спекулятивный, технологический и натуралистический по линии взаимодействия человеческих и нечеловеческих форм жизни.
5. Определение постгуманистического поворота в политической теории.

Теоретическая и практическая значимость работы. Обусловлены актуальностью темы данной диссертации. Результаты работы могут быть использованы при подготовке философской «теории всего», для изучения кризисного состояния гуманизма на рубеже эпох, а также с целью рассмотрения взаимосвязанных феноменов «смерти Бога» и «конца человека». Некоторые выводы исследования могут быть заимствованы с целью установления статуса новых форм социальности, новых акторов, прежде невидимых для гуманизма: женщин, киборгов, роботов, искусственного интеллекта, живой природы, вещей, техники и т.д. Данная диссертационная работа открывает неоднозначный характер пост-антропоцентрического поворота и пост-рациональности, проблематизируя человеческую субъективность и саму субъект-объектную дихотомию, и этим способствует созданию нового дискурса в философии и социальной практике.

Практическая значимость результатов исследования выражается в комплексном понимании механизмов преобразования гуманизма и, как следствие, в выработке нравственных ориентиров, политических нормативов и технологических стандартов взаимодействия и диалога человеческих, нечеловеческих и постчеловеческих акторов. Результаты исследования могут быть использованы в разработке базовых курсов по философии и социальной философии, философских проблем социально-гуманитарных наук, философской антропологии, а также специальных курсов, посвященных гуманизму и его эволюции, становлению и формированию постчеловеческой социальности.

Степень достоверности результатов исследования. Основные положения диссертации прошли три обсуждения на кафедре социальной философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина и получили положительное заключение. Достоверность выводов данного диссертационного исследования

подтверждается применением проверенной в философской практике методологии, деконструкции, гетерологии и генеалогии, также изучением и использованием актуальных научных источников, опубликованных в России и за рубежом.

Апробация результатов исследования. Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования докладывались на следующих конференциях: круглый стол «Технонаука и тенденции современного инженерного мышления» (2022 год), Международный молодёжный научный форум «Ломоносов-2021», XXVIII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов», секция «Философия. Культурология. Религиоведение» (2021 год); Международная научная конференция «Философия сегодня: ценности, перспективы, смыслы» (2020 год); Международная конференция «Время, вперёд!»: время философии и философия времени (2020 год); Международный Форум «Полилингвизм и поликультурность в эпоху постграмотности» (2020 год); Конференция «Философские и социально-экономические проблемы исследования инновационных технологий и искусственного интеллекта» (2020 год); Международная междисциплинарная конференция «Инженерное мышление: социальные перспективы» (2020 год); Всероссийская научная конференция студентов-стипендиатов Оксфордского Российского фонда (2019 год).

Публикации. По теме исследования диссертантом были опубликованы 12 научных работ, среди них 4 в рецензируемых научных журналах, в том числе 2 статьи в издании, индексируемом в базе данных Web of Science, 1 - в издании, индексируемом в базе данных Scopus.

Личный вклад автора. Личный вклад автора состоит в самостоятельном выполнении основного объема диссертационного исследования, в постановке и решении цели и задач, имеющих важное значение для развития современной социальной философии и методологии обществознания, в разработке теоретических и методологических оснований, в обосновании научной новизны и теоретических положений, способствующих совершенствованию изучения гуманизма и постчеловеческой социальности.

Объём и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, каждая из которых включает в себя три параграфа, заключения, списка литературы из 149 наименований. Общий объём диссертации – 146 страниц.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** приводится обоснование актуальности диссертационного исследования, производится анализ степени разработанности научной проблемы, определяются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи, приводятся теоретическая и методологическая основа исследования, определяется его научная новизна

и обосновывается научно-практическая значимость исследования, а также излагаются сведения о степени достоверности и апробации результатов работы.

В первой главе «Эволюция гуманизма в философии XX века» выделяются три этапа эволюции гуманизма, исторические предпосылки и теоретические мотивы становления и формирования постгуманизма и постчеловеческой социальности. В первом параграфе «Экзистенциальный гуманизм и неметафизический антигуманизм» анализируются особенности первого этапа эволюции гуманизма, связанные с полемикой между экзистенциальным гуманизмом и неметафизическим антигуманизмом в XX столетии. Существенный вклад в формирование данного этапа вносят мыслители Ж.-П. Сартр и М. Хайдеггер.

Гуманизм в качестве философской концепции, политической мотивации и социокультурной парадигмы окончательно оформляется в Новое время. В диссертации рассматриваются четыре различных типа гуманизма в пору его формирования: ренессансный гуманизм, гуманизм *Bildung*, либеральный гуманизм, просвещенческий гуманизм. Но именно просвещенческий гуманизм является настоящим философским выражением гуманизма как целого. Он, в отличие от, например, Ренессансного гуманизма, не опирался на какую-либо традицию для вдохновения. Он полагается на максимум, согласно которой человек – творец собственной судьбы: именно в силу концентрированности на самом себе и заботы только о себе, вследствие своей независимости и подчинения закону самости, каждый индивид способствует проявлению порядка, гармонии и рациональности целого. В диссертации под гуманизмом понимается «концепция человеческого бытия и основанной на ней системы мировоззрения, утверждающей ценности человеческого существования, достоинства, права и свободы каждого человеческого индивида, обосновывающая возможность развития человека как рода и как индивида»³. Основным теоретическим мотивом обновления гуманизма в философии XX века становится критика нововременной концепции рациональности, то есть субъект-объектной дихотомии.

Наиболее остро вопрос об обновлении гуманизма ставится в экзистенциализме. Экзистенциализм как новый гуманизм постепенно отходит от новоевропейского образа рациональности, чтобы утвердить новое основание человеческого бытия, переосмыслить субъективность, создать новую онтологию. В рамках экзистенциального гуманизма формулируются решающие принципы обновления гуманизма: существование – основание бытия или возможность его отрицания; существование есть человеческое существование; человеческое

³ Кемеров В. Е. Гуманизм // Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемерова, 2 изд. Минск: Панпринт, 1998. С. 216.

существование – это свобода; экзистенциализм – это гуманизм, так как человек является единственным законодателем для себя.

Возражение неметафизического антигуманизма М. Хайдеггера в адрес экзистенциализма состоит в том, что последний придерживается образа мышления, который является метафизическим, поскольку постулирует человека как существо, для которого существует этот мир, и сама ценность этого человека обусловлена его трансцендентальной особенностью. То есть гуманизм принимает как должное, что человек имеет «сущность» или «природу» в качестве определенной вещи, со ссылкой на которую можно ответить на фундаментальные вопросы о ценности и значении человеческой жизни. Любой гуманизм с необходимостью предполагает наличие человеческой природы, человеческой сущности, того, что отличает, выделяет человека из всего остального сущего, делает его априорным условием возможности всякого опыта. Это чистое преобладание антропного принципа. Гуманизм как таковой или остаётся заложником метафизики, или делает себя условием конструирования для новой метафизики. В качестве альтернативы неметафизический антигуманизм предлагает тезис о том, что сущность человека не представляет собой нечто человеческое. Однако образ человека здесь не предстаёт не-человеческим или сверхчеловеческим. Сущность человека тождественна самой себе в своей принадлежности именно человеку, однако лишь благодаря ей он оказывается чем-то принципиально большим, чем просто человек. Эту избыточность неметафизический антигуманизм называет эк-зистенцией. Человеческая сущность – это эк-зистенция, вышагивание за пределы, открытость к не-человеческому, к избыточному, отличающемуся, инаковому.

В характеристике первого этапа обновления гуманизма важно подчеркнуть, что ни экзистенциальный гуманизм, ни неметафизический антигуманизм не могут быть признаны достаточными для того, чтобы начертать новый образ человека, переосмысляющий гуманизм и свободный от метафизики. Основная причина этой недостаточности состоит в том, что границы человеческой природы предопределены онтологической структурой метафизики.

В данном параграфе делается вывод о том, что гуманизм в определенном смысле тождественен метафизике, поскольку в перспективе ее онтологической структуры он превозносится как высшее сущее или сверхсущее в значении истинного или действительного сущего и заявляет о себе как о силе основания. Нет никакого гуманизма без метафизики, в которой человеку отведена центральная или исключительная роль основания (причины, Абсолюта). С другой стороны, метафизика может существовать как таковая только в той мере, в какой ее «гуманистическая» природа (что означает метафизическую редукцию всего сущего к человеческой реальности) остается скрытой. Другими словами, человек

сохраняет свое исключительное положение внутри сущего только через отношение к основанию, которое удостоверяет это его положение.

Во **втором параграфе «Постструктурализм и критика метафизического гуманизма»** производится критика последствий первого этапа обновления гуманизма, а также рассматривается проблема «смерти Бога» и связанный с ней вопрос о «конце человека» с позиции структурализма и постструктурализма. В формирование и развертывание этого этапа существенный вклад вносят Л. Альтюссер, Р. Барт, Ж. Делёз, Ж. Деррида, К. Леви-Стросс, М. Фуко. На данном этапе идеи субъекта и обновление гуманизма в экзистенциализме Ж.-П. Сартра и антигуманизме М. Хайдеггера признаются достаточно упрощёнными, всё ещё опирающимися на основания, которые были предопределены метафизическим гуманизмом. Человек всё также остаётся в центре внимания, несмотря на несомненную спорность постановки вопроса о существовании «человеческой природы» и примат антропного принципа.

Парадигматической для второго этапа обновления гуманизма является ницшеанская критика гуманизма и идеи человека. Эта критика становится возможной благодаря другому тезису о том, что Бог и человек связаны друг с другом как части единого целого, и что «смерть Бога» означают в то же самое время и «смерть человека». Второй этап обновления больше не сконцентрирован на вопросах экзистенциального гуманизма и неметафизического антигуманизма, поскольку они разделяет фундаментальные предположения гуманизма с его антропоцентризмом и обусловленностью человеческого существования самим человеком. Тезис о «сопринадлежности» Бога и человека, «синонимичности» смерти Бога и смерти человека сыграл ключевую роль в оформлении двух тенденций структурализма и постструктурализма в 1960-х и 1970-х годах прошлого столетия. Во-первых, эти интерпретации отражают отход от увлеченности предыдущего поколения Г. В. Ф. Гегелем, Э. Гуссерлем и М. Хайдеггером. Хотя данные мыслители продолжают оказывать большое влияние на структурализм и постструктурализм, проблемы, которые волнуют их, сформулированы другим влиятельным триумvirатом: «мастерами подозрения» – Ф. Ницше, З. Фрейдом и К. Марксом. Вторая тенденция сопровождает первую: отход от метафизического гуманизма, характерного, например, для экзистенциализма Сартра, к новому осознанию субъекта как функции дискурса в пространстве интерпретации. Именно эта вторая тенденция – критика гуманизма и трактовка субъекта как функции интерпретации, а не привилегированной эпистемологической или метафизической позиции – составляет содержание второго этапа обновления гуманизма. Далее это содержание анализируется на примерах «прогрессивного гуманизма» (Р. Барт), идеи «растворения человека» (К. Леви-Стросс), «гуманизма как идеологии» и «теоретического антигуманизма» (Л. Альтюссер), идеи «смерти человека» (М. Фуко).

Проведенный анализ показывает, что все утверждения об обновлении гуманизма, которые рассматриваются в рамках структурализма и постструктурализма, функционируют благодаря внутренней дифференциации по меньшей мере двух его форм: одна подвергается критике и отвергается, другая, в свою очередь, оберегается и поддерживается. С одной стороны, существует эссенциалистский гуманизм «единства человека», связанный с метафизикой и субъективизмом, и представляющий собой замаскированную форму религиозного мышления: то, что кажется «нейтральным» дискурсом, на самом деле способствует метафизическому единству человека и Бога. Эта форма гуманизма стала мейнстримом на Западе после Второй мировой войны, основанием марксизма, социал-демократического и христианско-демократического дискурса. Другая форма гуманизма не проявляет систематического интереса к «единству антропоса», который рассматривается скорее, как открытый вопрос: хотя основания критики остаются расплывчатыми, эта форма гуманизма стремится преодолеть старый метафизический гуманизм. Общий философский интерес заключается в том, чтобы нейтрализовать любой метафизический или спекулятивный тезис, чтобы антропологические вопросы по-прежнему можно было воспринимать всерьез, поскольку они больше не наделены трансцендентным статусом. В рамках этого общего философского интереса задача состоит в том, чтобы растворить метафизическое наследие гуманизма и в то же время попытаться сформулировать новую, неантропоцентрическую позицию.

Развитием этого анализа является тезис о том, что поскольку в рамках структурализма и постструктурализма никакая откровенно антигуманистическая позиция не поощряется, в них все еще сохраняется принципиально нормативная необходимость того или иного образа человека. Образы человека – вне зависимости от их эксплицитности – лежат в основе наших нормативных представлений о социальной жизни. Если иллюзии в отношении гуманизма (и человека) и подвергаются критике в рамках структурализма и постструктурализма, он все еще остается ценностью и тем понятием, к которому непрерывно возвращаются.

В этой части диссертации делается вывод о том, что образцом трудностей, а также опасностей, которые влечет за собой двусмысленность нормативного образа человека и необходимость критики гуманизма на данном этапе, могла бы служить неразрешимая логика дополнительности двух стратегий деконструкции метафизического гуманизма. Первая стратегия подразумевает возвращение к истокам метафизической традиции и использует ресурсы этой традиции против нее самой. Вторая деконструктивная стратегия утверждает абсолютный разрыв с традицией, решается на «смену территории» пусть даже самым иррациональным образом. Однако такая стратегия не желает признать, что невозможно порвать с традицией, сохранив ее язык. Неизбежным следствием такой

слепоты к силе языка является наивное восстановление «новой» территории на том самом месте, которое пытались вытеснить.

В третьем параграфе «Исторические предпосылки и теоретические мотивы становления постгуманизма» обосновываются социально-исторические предпосылки и теоретические мотивы возникновения и оформления постгуманизма. В качестве исторических предпосылок становления постгуманизма выделяются Четвёртая промышленная революция, Шестое вымирание, а также «новая социальность».

На основе истолкования различных этапов эволюции промышленности развивается представление о Четвёртой промышленной революции, основанной на конвергенции передовых технологий, таких как робототехника, искусственный интеллект, нанотехнологии, биотехнологии и Интернет вещей (НБИК-парадигма). Развитие этих представлений служит предпосылкой для выдвижения тезиса о том, что границы между цифровыми, физическими и биологическими силами становятся все более и более размытыми вследствие появления гибридных и химерических социальных форм. Другая предпосылка, Шестое вымирание, характеризуется постепенным исчезновением различных видов вследствие деятельности человека, происходящим в эпоху, которую часто называют антропоценом. Третья предпосылка, «новая социальность», различает две возможности современности или два возможных воплощения социальных связей. С одной стороны, имеет место пространственно-временное расширение социальных связей, когда феномен мира выходит за пределы локального, географически ограниченного существования, с другой – их сужение, поскольку мир становится повседневностью, обыденностью, глобальное благодаря виртуальному, сетевому характеру существования встраивается в привычные и обыденные аспекты нашего присутствия. Из этого опространствования разнообразие, множественность мира, структурированного как отношение. «Новая социальность» требует другой онтологии, для которой принципиально важной оказывается идея различия, множественности, горизонтальности отношений.

В качестве теоретических мотивов становления постгуманизма в диссертации рассматриваются постантропоцентризм и онтологический поворот в социальных науках. Постантропоцентризм постулирует социальную науку, смещенную в сторону от человека, избегающую этой централизации или этой концентрации всей рефлексии вокруг человеческого, способствует ее продуктивному взаимодействию с миром за пределами человека: с другими живыми существами и с более широкой средой материи и вещей. Онтологический поворот, реализуемый посредством исследований, связанных с акторно-сетевой теорией, новым материализмом, объектно-ориентированной онтологией, концепциями со-производства, теорией сборки, агентным реализмом, критическим

реализмом, преодолевают конструктивизм и постмодернизм XX века, подчёркивая принципиальную нередуцируемость реальности к философским обоснованиям. В диссертации формулируются четыре положения, раскрывающие теоретические мотивы формирования постгуманизма.

1. Материальный мир следует рассматривать как становление, событийность. Материя – это не инертная, пассивная субстанция, управляемая субъектами. Материя не безжизненна: она текуча, активна и генерирует формы без любого внешнего вмешательства, и при этом обладает своими собственными ресурсами, способными порождать формы вне социальных конструкторов, или субъектов. Эта ориентация знаменует собой явный отход от социального конструктивизма к социальному производству и распространяется на изучение возможностей материи: как она взаимодействует, воздействует и подвергается воздействию других материальностей, какие ассоциации она создает, какими способностями она обладает, какие последствия вытекают из этих взаимодействий.

2. «Плоская» онтология, также называемая «монистической», в противовес «дуалистической», не признаёт традиционные социально-научные оппозиции между природой и культурой, макро- и микро-, человеческим, нечеловеческим и постчеловеческим, естественным и искусственным, духом и материей, базисом и надстройкой. Данные оппозиции рассматриваются как части континуума материальности, тем самым лишаются определенности, совместно участвуют в операции, которая их опосредует и производит гибридную реальность. Гибридизация конструирует мир как свой собственный контекст и внешнюю среду.

3. Способность действовать и ставить цели присуща также нечеловеческим акторам. Это положение влечет за собой далеко идущие последствия. Во-первых, человеческое действие не является привилегированным, поскольку оно является сборкой множества центров сил в любых их комбинациях, в борьбе друг с другом; действие – это лишь проявление бесконтрольных конфликтующих центров сил, а не интенциональность, создающая сама для себя законы. Во-вторых, способность к действию представляется рутинной чертой нечеловеческих объектов.

4. Существование материального неразрывно связано с дискурсивными формами. Единство материально-дискурсивных практик – это основополагающий тезис постгуманизма. Дискурсивности зачастую отождествляются с лингвистическими формами и рассматриваются как субъективные эпифеномены событий в качестве знания, значений, интерпретаций и социальных конструкций, убеждений и ценностей, а также воспоминаний, размышлений и стремлений. В той степени, в которой мысли, идеи, воспоминания, чувства, желания, коллективные абстракции и конструкции материально воздействуют на другие отношения в сборках и

подвергаются их воздействию, их следует рассматривать подобно другим (казалось бы, более «материальным») отношениям. Акцент на материальность действий, взаимодействий, субъективностей и мыслей позволяет преодолеть дуализм духа и материи, но не посредством антропоцентрической привилегии человеческих конструкций реальности, а признанием динамического, порождающего и ризоматического производства и актуализации мира, в котором играют роль и материя, и смысл.

Указанные положения свидетельствуют о том, что горизонты человеческого бытия могут разворачиваться и вне размышлений о гуманизме и антигуманизме. Обновление гуманизма может привести к новому освоению материальности, дискурсивности, классических социологических оппозиций, субъективности и гуманистических ценностей, от которых она неотделима.

Вторая глава «Постчеловеческая социальность: специфика и формы» посвящена определению понятий «трансгуманизм» и «постгуманизм», исследованию феномена постгуманизма, классификации основных направлений постгуманизма, а также изучению постгуманизма в политической теории. В диссертации постгуманизм характеризуется в единстве трех его аспектов как формирующегося исторического состояния, которое стремится осознать и интерпретировать происходящее с человеком и социальностью на данном этапе, как совокупности онтологических тезисов о человеке и социальности, которые трансформируют представления о реальности, и как деконструкции бинарной оппозиции гуманизм/антигуманизм.

В первом параграфе «Гуманизм, трансгуманизм, постгуманизм» стало ключевым рассмотрение постгуманизма как формы социальности, и для этого были поставлены три задачи: исследование трансгуманизма как предшественника постгуманизма, сравнение трансгуманизма и постгуманизма, выявление социально-философского смысла концепта постгуманизма как новой социальной формы.

В диссертации подчеркивается, что трансгуманизм основывается на шестом технологическом укладе, или Индустрии 4.0, и подразумевает «загрузку разума», т. е. перенос человеческого сознания в компьютер (понятие, которое многие критически настроенные постгуманисты считают проблематичным); внедрение технологии компьютерной обработки в человеческий мозг либо для замены поврежденных его частей, либо для улучшения его способностей, например, для улучшения способности поиска информации и ее хранения в памяти; клонирование; использование нанотехнологий для манипулирования материальными частицами; трансгенный сплайсинг ДНК животных и человека и т. д. Подобные возможные усовершенствования подчеркивают центральный тезис трансгуманизма о том, что человечество – это «незавершенный проект».

Решающим аспектом понимания различия трансгуманизма и постгуманизма является то, что последний не означает выход за пределы гуманизма в запредельную ему область. Постгуманизм – это не трансгрессия, преодоление гуманизма. То есть он не моделирует позицию утопического или идеализированного постчеловечества. Постгуманизм – это деконструкция гуманизма, разоблачение его теоретических и социальных принципов и в то же время актуализация его репрессированных, маргинальных, периферийных возможностей. Таким образом, процесс деконструкции подрывает основы философского дискурса гуманизма, превращая его в форму контингентности. Дискурс гуманизма становится лишь одним нарративом среди множества других, а не основанием всех возможных нарративов о человеке. Иначе говоря, дискурс гуманизма лишается статуса привилегированного доступа к истине человека. В результате деконструкции-актуализации гуманизм дифференцируется: человеческое не преодолевается, а пересматривается, трансформируется и продолжает сосуществовать с нечеловеческим. Постгуманизм подчеркивает именно этот факт сосуществования человеческого и нечеловеческого в самом широком смысле.

Данный аспект конкретизируется по другим параметрам различия трансгуманизма и постгуманизма. Во-первых, трансгуманизм – это метагуманизм, продолжение гуманистических идеалов в новом постчеловеке. Это обновление человека, аугментация, переход в иную, более совершенную форму, которая будет обусловлена достижениями научно-технического прогресса. Постгуманизм, в отличие от трансгуманизма, отрицает саму идею преодоления человеческого и выявляет плюралистичность субъектов, размывание границ понятия «человек», воссоздание постчеловеческого, нечеловеческого в их сосуществовании. Во-вторых, постчеловек трансгуманизма является прямым наследником человека и человеческой формы, представляя собой улучшенную версию нововременного понятия субъекта. Постгуманизация расширяет субъектность вселенной, в то время как трансгуманизм сфокусирован исключительно на человеке и на формах его обновления, усовершенствования. В-третьих, при всем многообразии трансгуманизмов, они вписываются в единую модель, или конечный идеал, – идеального, утопического постчеловека, который возникает из усовершенствованного, изменённого человека. В отличие от трансгуманизмов, множество направлений постгуманизма устанавливают собственное определение понятий «человеческое», «нечеловеческое» и «постчеловеческое». В-четвёртых, для трансгуманизма тело выступает препятствием, которое необходимо преодолеть, чтобы перевоплотиться в виде киборга или оцифрованного сознания. Постгуманизм постулирует текучесть субъекта, так что оспаривается статическая позиция я-как-индивида, я-как-

неделимости. Субъект – это постоянное становление, открытая система сборок в отличие от закрытых и статичных субъектов.

В связи с выдвинутыми выше положениями о гуманизме, трансгуманизме и постгуманизме возникает необходимость представления о постчеловеческой социальности. Последняя фундируется онтологией процесса и отношений, а не субстанций. Исходя из этой онтологической схемы, постчеловеческая социальность характеризуется именно как радикализация разнородных форм отношений и сосуществования. Значение, придаваемое контингентности отношений, позволяет постгуманизму, с одной стороны, установить сложный космологический взгляд, а с другой – избежать проблем с существованием такой вещи, как человеческая природа. Постгуманизм отрицает исключительность человека, вводя плюралистичность субъектов (вещи, вирусы, живые существа помимо человека, техника, биосфера и проч.), сосуществование человеческого и нечеловеческого (органического и неорганического, естественного и искусственного), их становление полноправными акторами исторического процесса. Человеческое становится всего лишь одной из форм социальности. «Пост-» в свете этих форм сосуществования не может больше интерпретироваться как «анти» или просто как утверждение сильного субъекта, стремящегося к совершенству, который диалектически противостоит своей испорченной материальности и который склонен злоупотреблять технологией в качестве инструмента власти и господства над собой и миром. Постгуманизм – это новая социальная форма, модулирующая сосуществование людей, животных, вещей, машин, киборгов, оцифрованных сознаний и роботов. Если в первом случае (анти- или сильного субъекта) мы наблюдаем фиктивный захват критического референта постгуманизма, т.е. человека традиционного гуманизма, характеризуемого как центр вселенной, то во втором случае мы получаем реальную альтернативную концепцию, которая видит в становлении по отношению к инаковости необходимость, вписанную в само существо человека, который в целях самореализации должен парадоксальным образом пересечь границы самости.

Во втором параграфе «Основные направления постгуманизма» рассматриваются формы постгуманизма и их особенности, призванные показать разновидности складки человеческого и нечеловеческого. Различные формы взаимодействия человеческого и нечеловеческого исследуются в перспективе трех аспектов – множественности, незавершенности, непредсказуемости. Множественность остается признаком того, что единство категории, соответственно, единство образа человека и гуманизма нарушены. Кроме того, нарушение этого единства указывает на то, что процесс дифференциации гуманизма не завершен: любой окончательный, определенный образ человека и гуманизма будет носить временный, локальный и ситуативный характер. Наконец, вопреки

или даже перед лицом сегодняшнего распространения постчеловеческих форм непредставимость, непредсказуемость постчеловеческого остается главной проблемой современного социально-философского дискурса.

В диссертации исследуются четыре формы постгуманизма: критический, спекулятивный, натуралистический и технологический. Основанием для выделения данных форм является тотальная гибридизация и контаминация человека с другими формами жизни: постчеловеческая социальность – это открытая система сосуществования человека с другими живыми (и неживыми) существами. В постчеловеческой социальности для человека нет ничего внешнего, потому что «размерности человечески возможного» не фиксированы. Если принять, что разум и тело не могут быть абсолютно разделены, также как тело и окружающая среда, то логически последовательный вывод будет состоять в том, что сознание и окружающая среда не могут быть разделены. В результате постчеловеческая социальность включает в себя более широкую культурную среду, а также физическую структуру, технологическую среду, не просто как внешнее дополнение к человеческому состоянию, но как неотъемлемую часть его конституции. Каждая форма предполагает последовательное различие между человеком и не-человеком, способами складки человеческого и нечеловеческого, практиками установления границ, с помощью которых «человеческое» и иное по-разному очерчиваются и определяются. Формы постгуманизма в определенной степени указывают на генезис человеческого, «гуманезис»⁴, т. е. как на состояние, так и на процесс вхождения человека в дискурс, в котором он мутирует, обменивается, усиливается в соответствии с логикой устанавливаемых отношений с иными.

Критический постгуманизм обращается к деконструкции гуманизма, заимствуя у него все экономические и стратегические средства его опровержения. Критический постгуманизм проводит последовательное различие между образом постчеловека и его всевозможными аватарами (киборги, монстры, зомби, демоны и т.д.) и постгуманизмом как современным социальным дискурсом, который решает актуальный вопрос о том, что означает быть человеком в условиях глобализации, технонауки, позднего капитализма и изменения климата. Приставка «пост-» здесь предстаёт двояко: показывает необходимость выйти за пределы гуманизма, преодолеть его, а также показывает осознание того, что гуманизм и человек не могут быть преодолены в простом диалектическом или историческом акте, в постчеловеческом, а вынуждены вступать в более сложные и недиалектические отношения между человеческим, постчеловеческим и нечеловеческим.

⁴ Cecchetto D. Humanesis: sound and technological posthumanism. Minneapolis, University of Minnesota Press, 2013. P. 2.

Спекулятивный постгуманизм выявляет множественные линии постчеловеческого становления и экспериментирования с постчеловеческими формами жизни. Он ставит под сомнение антропоцентризм современной интеллектуальной жизни, выступает против антропоцентрических проекций долгосрочных последствий современных технологий. Вероятным условием любого постчеловеческого события является то, что возникающие в результате нечеловеческие существа способны обрести цели и роли, которые не заданы и не устанавливаются людьми, и что эта автономия обусловлена некоторыми изменениями в технологических возможностях вещей. Это условие в точности выражает сущность спекулятивного постгуманизма и может быть сформулировано в тезисе о разъединении, подчеркивающему наше невежество в отношении обстоятельств, сопутствующих расхождению человеческого и постчеловеческого.

Технологический постгуманизм следует за трансгуманизмом. Он регистрирует совместное использование технологии и субъекта, смещение человека и машины вне бинарной оппозиции субъект/объект. Важным аспектом понимания технологического постгуманизма является тот факт, что современные технологии уже нельзя адекватно рассматривать через призму «расширения», их следует понимать как глубоко встроенные в наше бытие. То есть технологии – это не просто инструменты, которые мы используем, и не объекты, по отношению к которым мы являемся сервомеханизмами, а скорее пути, способы взаимодействия и сборки социального. Именно в этом смысле субъект мыслится в постгуманизме как технология, где последняя обозначает (подобно «диспозитиву» Дж. Агамбена) любую вещь, обладающую способностью определять, ориентировать, гарантировать, моделировать и контролировать человеческие поведение, мысли и дискурсы.

Натуралистический постгуманизм утверждает, что человек целиком принадлежит природе и является ее неотъемлемой частью. Отвечая на вопрос «что такое человек?», натурализм отказывается от телеологии, трансцендентности ценностей, метафизики и религии. Постчеловеческое состояние – это продуктивность и творчество, которые извлекаются из опыта природы. Для натуралистического постгуманизма постчеловеческое состояние – это не дополнение человеческого бытия технологией, а преемственность, непрерывность человеческого бытия и животной и растительной жизни.

В диссертации делается вывод, что данные разновидности взаимодействия человеческого и нечеловеческого обозначают четыре формы имманентной трансцендентности, очерчивая направления становления и формирования постчеловеческой социальности.

В третьем параграфе «Постгуманизм и политизация нечеловеческих форм жизни» рассматривается преодоление и усложнение

дихотомии биологического и социального через критику антропоцентрического предположения, что в биологических и машинных формах существования отсутствуют трансформационные, эмансипационные и революционные политические возможности. Критика разума, склонного к мышлению при помощи бинарных оппозиций, а также его социологического и философского аспектов, направлена на деконструкцию антропоцентрического заблуждения в политической теории. Для этого определяются несколько задач: выявление характерных черт постгуманизма в политической теории, обоснование социально-философского смысла политизации «нечеловеческих других», определение новизны представленных форм политической агентности.

В диссертации выделены три характерные черты формирования постгуманизма в политической теории. Первая черта – это различие политики и политического. Хотя К. Шмитт впервые вводит понятие политического, различие политики и политического актуализируется в философии и политической теории с конца 50-х гг. XX в. в работах Х. Арндт, А. Бадью, Ж. Делеза, К. Лефорта, Ж.-Л. Нанси и Ф. Лаку-Лабарта, Ж. Рансьера, П. Рикера, Ш. Муфф. Если исходить из этого различия, то политика – это дискурсивное образование, подсистема общества, определенная форма действия. Политика сосредоточена на управлении гражданским обществом и его институтами. Политическое на онтологическом уровне выполняет функцию учреждения политики. Политическое в этом качестве сосредоточено на трансформационных экспериментах с новыми формами существования и этическими отношениями. Постгуманизм в данном случае выражается в соединении критической теории не столько с политикой, организованной или мажоритарной, сколько с политическим в его трансформационных формах становления. Вторая и не менее важная черта – это введение в политическую теорию и практику жизни/zoë. Последнее становится возможным благодаря проблематизации традиционного определения политики-как-государства, т.е. отождествления политики с государством. С введением жизни в горизонт политического анализа понятие политики постепенно встраивается в более открытые и гибкие онтологические рамки. Эта концептуальная трансформация приводит к стиранию радикального внешнего политики. Это стирание происходит по нескольким направлениям: нивелирование состояния природы, политизация жизни и онтологии, критика трансцендентности. Наконец, третья черта – переосмысление конституирования субъективности как дискурсивного и материального процесса, сочетающего в себе ряд разнородных элементов. Подобное переосмысление направлено, прежде всего, против либерального видения политического субъекта, который функционирует в соответствии с универсалистской, гуманистической идеей врожденной рациональности, моральной доброты и саморегулирующегося суждения. Переосмысление

конституирования субъективности подчеркивает именно ее аффективные элементы и процесс формирования политического субъекта, когда на первый план выходят реляционные, управляемые переговорами и утвердительные элементы.

Указанные выше положения служат основаниями для конституирования не-антропоцентрической политической теории. Постгуманизм в политической теории проблематизирует антропоцентризм, подход к политике как к исключительно человеческой области. Рассматривается плюрализм человеческих, нечеловеческих и постчеловеческих форм агентности, в том числе «животного играющего», насекомых на войне, головного мозга и стволовых клеток, поработавших мега-машин и машинно-человеческих ассамбляжей, неодушевленных объектов и поврежденного мозга, непризнанные и обесцененные популяции. Постчеловеческий поворот в политической теории делает животных, растения и вещи агентами политической деятельности.

Принципиально важно было показать взаимосвязь между биологической, социальной и символической реальностью, биополитические последствия взаимодействия субъектов, возможность сопротивления и политических перемен. С этой целью в диссертации проанализированы недостаточно исследованные в отечественной литературе аспекты политизации «нечеловеческих других»: неразрывная связь биологического и социального, создающая новое пространство взаимодействий акторов постчеловеческой социальности, включение биологии в политическую теорию, ее концептуализация как области эмансипации, сопротивления и действия (К. Малабу); теория «играющего животного», описывающая доиндивидуальные аффекты, сила, интенсивности, а также наиндивидуальные машинные, экономические, технологические компоненты сквозь призму протосубъективности (Б. Массуми); концепт мегамшины, гибридной системы механических сил и движений, состоящая как из социальных акторов, так и материальных агентов: людей, нечеловеческих животных, неодушевленных объектов, имматериальных и виртуальных элементов (дизайна, диаграмм, труда, памяти, энергетических потоков) (М. Лаццарато); трактовка природного и социального в контексте «новой нормальности» (нестабильности и перманентной опасности) и в терминах «устойчивости» и «адаптации» (Б. Эванс, Д. Рид).

В диссертации делается вывод, что постгуманистический поворот в политической теории обосновывается реляционной аффирмативной этикой, основанной на позитивном определении субъекта как процесса порождения расширяющих возможности режимов становления. Учитывая, что этическое благо приравнивается к радикальной реляционности, нацеленной на аффирмативное расширение прав и возможностей, этический идеал заключается в увеличении способности человека вступать в отношения с

множеством других. Оппозиционное сознание как реактивный режим заменяется аффирмативной практикой, а политическая субъективность трактуется как процесс, актуализирующий эту этическую направленность.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и обозначаются его перспективы. В рамках социально-философского дискурса проблема формирования постгуманизма и постчеловеческой социальности предстаёт перед нами как проект незавершённый. Однако полученные результаты позволяют обнаружить подход, выделяющий определенную направленность социально-философских исследований, обосновывающие их методологические тенденции, взаимосвязи этих тенденций с характером социальной практики. Подобная перспектива предполагает также анализ проблемы постгуманизма в отдельных социальных и естественных науках (социологии, политологии, этике, нейрологии, экологии и т. д.) и ее выражение в их взаимосвязях.

III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ:

1. Сиденкова А. П., Мякотных В. С., Иванченко М. А. Интерпретация сущности деменции в контексте полемики гуманизма и трансгуманизма // Вопросы философии. – 2023. – № 2. – С. 68–78; 0,8 п.л. (Scopus, Web of Science)

2. Иванченко М. А., Архипов П. Е. Человек Играющий, Машина Играющая: путь к идеальной нейросети и предпосылки возникновения постгуманизма // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13. – № 1-1. – С. 151–165; 0,9 п.л.

3. Иванченко М. А. Философское осмысление депрессии в контексте становления эпохи трансгуманизма // Национальное здоровье. – 2021. – № 1. – С. 81–85; 0,25 п.л.

4. Иванченко М. А. Философское осмысление феномена бессмертия в парадигмах трансгуманизма, постгуманизма и эссенциокognитивизма // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2021. – Т. 3. – № 1. – С. 39–63; 1,5 п.л. (Web of Science)

5. Иванченко М. А. Постгуманизм как антигуманизм: основные перспективы // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2019. – Т. 14. – № 4 (194). – С. 16–24; 0,5 п.л.

Монографии:

6. Новый гуманизм – горизонты «пост»: монография / [А.С. Азаренко и др.]; под науч. ред. Д.А. Томильцевой. – Москва : Академический проект; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 140 с. – С. 7–9 (Предисловие); 0,125 п.л.

Другие публикации:

7. Иванченко М. А. Осмысление депрессивного расстройства в контексте трансгуманизма / М. А. Иванченко // Философия сегодня: ценности, перспективы, смыслы: сб. мат. конф. – Екатеринбург, 2021. – С. 112–118; 0,4 п.л.

8. Иванченко М. А. Постгуманизм: ценности человека цифрового и эволюция человека аналогового / М. А. Иванченко // Практики воспроизводства ценностей: гуманитарный, социальный и экономический аспекты: сб. тез. док. Всероссийской научной конференции студентов-стипендиатов Оксфордского Российского фонда. – Екатеринбург, 2020. – С. 116–118; 0,1 п.л.

9. Иванченко М. А. Робопсихология: основания, перспективы. / М. А. Иванченко // Инженерное мышление: социальные перспективы: сб. матер. междунар. междисципл. конф. – Екатеринбург, 2020. – С. 191–194; 0,19 п.л.

10. Иванченко М. А. Этика постгуманизма: преимущества и недостатки цифровизации сознания человека / М. А. Иванченко // Философские и социально-экономические проблемы исследования инновационных технологий и искусственного интеллекта: сб. науч. статей. – Белгород, 2020. – С. 97–104; 0,4 п.л.

11. Иванченко М. А. Постгуманизм как репрезентация богочеловека будущего / М. А. Иванченко // Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение: сб. матер. конф. – Екатеринбург, 2019. – С. 205–208; 0,19 п.л.

12. Иванченко М. А. Постгуманизм Иммануила Канта / М. А. Иванченко // Трансцендентальная перспектива философствования: история и метод. – Москва, 2019. – С. 98–102; 0,25 п.л.